

О.Н. Пряжникова
РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Ценности общества, распространенные в той или иной культуре, традиционно рассматриваются в качестве одного из факторов экономического развития. Составляя сущностную основу неформальных институтов, определяющих особенности процесса взаимодействия между людьми, ценности и нормы поведения формируются в значительной степени под влиянием господствующей в обществе религиозной традиции.

Подход к изучению хозяйства как эволюционирующей системы, предполагающий анализ не только экономических, но и неэкономических факторов (этических, психологических, правовых) был впервые предложен представителями немецкой исторической школы. Развивая эту теорию, М. Вебер и В. Зомбарт пришли к выводу, что религиозные системы играют очень важную роль в генезисе экономических систем. Описание процесса эволюции социально-экономической среды под влиянием протестантской этики мы находим у М. Вебера: «один из конституционных компонентов современного капиталистического духа... и всей современной культуры, – рациональное жизненное поведение на основе профессионального призвания – возник... из духа христианской аскезы», которая «перемещалась... в профессиональную жизнь и приобретала господство над мирской нравственностью, она начинала играть определенную роль в создании... современного хозяйственного устройства... формируя... жизненный стиль» каждого отдельного человека [Вебер М., с. 205–206].

В архаических обществах религия и экономика представляют собой две составляющие единого целого¹. В процессе социально-экономического развития религиозные ценности, определяя принципы и этику ведения хозяйственной деятельности людей, оказывали значительное влияние на экономические результаты человеческой деятельности. В наши дни процессы секуляризации ослабляют влияние религии в обществе. В странах Западной Европы участие людей в религиозных практиках сокращается. Однако все чаще ставится под сомнение вывод о том, что сокращение участия в религиозных практиках и снижение влияния церковных институтов приводит к снижению влияния на поведение людей ценностей, сформировавшихся в рамках той или иной религиозной традиции. Очевидно, что исторически доминировавшая в обществе религия всегда оставляет отпечаток в культуре и таким образом влияет на формирование отношений людей, даже если они нерелигиозны.

В данной работе рассматриваются результаты новейших теоретических и эмпирических исследований российских и зарубежных специалистов, затрагивающих вопросы влияния религиозной традиции на формирование уникальных характеристик социально-экономических систем, социального капитала, предпринимательской деятельности, а также взаимосвязь доминирующего вероисповедания и экономического роста.

Религиозный фактор и социально-экономическая модель

В настоящее время принято выделять следующие социально-экономические модели: англосаксонскую либеральную модель протестантского капитализма, западноевропейскую социал-демократическую модель католико-протестантского капитализма, дальневосточную патриархально-корпоративную модель конфуцианского капитализма, мусульманскую авторитарную модель. Само наименование этих моделей подчеркивает значимость религиозной традиции в качестве одного из факторов их формирования. Более того, существуют исследования, подтверждающие эту точку зрения.

¹ Эту взаимопроникающую связь можно увидеть, в частности, в субстантивной теории происхождения денег Б. Лаума (B. Laum), согласно которой отношения между людьми и их божествами (приношения и ожидание взамен благословения) – «священный», а не рыночный обмен – дал толчок утверждению жертвенных быков в качестве меры стоимости и единицы расчетов в Древней Греции, сделав их прообразом денег в их современном понимании [Semenova A., 2011].

Так, анализируя результаты исследования голландского профессора Г. Хофстеде, посвященного типологии культур и их влиянию на формирование ценностей трудовой культуры, В.В. Липов указывает на очевидную «связь между религиозными ценностями, особенностями национальной деловой культуры и соответствующими социально-экономическими моделями» и соотносит их с доминирующими в разных странах конфессиям [Липов В.В., 2005, с. 58].

Исследование Г. Хофстеде¹, дополненное М. Минковым и Г.Я. Хофстеде, посвящено определению ценностных установок работников и студентов в 76 странах по следующим характеристикам: 1) *дистанцированность власти* отражает степень неравенства людей при принятии решений; 2) *индивидуализм* – предпочтение опираться на собственные силы, заботясь о себе и своих близких; 3) *маскулинность / фемининность* отражает распределение эмоциональных ролей между мужчинами и женщинами и показывает насколько в культуре ценится целеустремленность, героизм; 4) *избегание неопределенности* отражает склонность контролировать будущее и уровень толерантности к нетрадиционному поведению и идеям; 5) *прагматизм или долгосрочная / краткосрочная ориентированность* связаны с выбором фокуса внимания в действиях человека (будущее, настоящее или прошлое) – чем выше этот показатель, тем в большей степени общество склонно к иерархии, чем к равенству, к следованию коллективным интересам, а не интересам индивида, к этическому релятивизму и т.д.; 6) *потворство желаниям* – отражает в какой степени социальные нормы и самоконтроль ограничивают «практики получения удовольствия».

Используя данные, размещенные на сайте, посвященном исследованиям Г. Хофстеде², мы рассчитали среднее значение данных показателей по группам стран: протестантские (Англия, Новая Зеландия, Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция), католические страны Европы (Австрия, Бельгия, Ирландия, Испания, Италия, Португалия, Франция), католические страны Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Мексика, Колумбия, Венесуэла, Эквадор), православные страны (Болгария, Россия, Румыния, Сербия, Греция), страны конфуцианской традиции (Гонконг, Китай, Сингапур, Тайвань, Япония), исламские страны (Индонезия, Иран, Малайзия,

¹ Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations: Software of the mind. – 3 rd ed. – N.Y.: McGraw-Hill, 2010. – 576 p.

² The Hofstede centre. – Mode of access: <http://geert-hofstede.com/countries.html>

Пакистан, Турция). Результаты сведены в табл. 1, в которой также приводятся показатели иудейского государства Израиль.

Таблица 1

**Ценностные характеристики культур стран
и преобладающие в них религиозные конфессии**

Страны	Дистанци- рованность власти	Индивидуализм	Маску- линность	Избегание неопреде- ленности	Прагматизм	Потворство желаниям
Протестантские	28	74	30	41	40	67
Католические (Европа)	49	61	55	78	52	48
Католические (Латинская Америка)	71	25	62	78	23	80
Православные	85	31	40	90	64	21
Израиль	13	54	47	81	38	-
Исламские	72	26	47	60	42	46
Конфуцианской традиции	63	26	60	57	71	45

Данные ценностные характеристики сформировались под влиянием доминирующей религиозной традиции, но влияние оказали также и другие факторы, такие как природные и климатические условия, исторический путь развития и т.д. В результате при ряде сходств мы видим расхождения ценностных установок культур европейских и латиноамериканских стран, возникших в рамках одной католической религиозной традиции. Значения этих показателей и их сочетания иллюстрируют уникальный набор ценностных приоритетов, определяющих особенности экономического поведения и экономического развития в той или иной культуре и формирующих конфессионально-цивилизационную специфику.

Так склонность к предпринимательству тесно связана с уровнем индивидуализма; показатель «потворство желаниям» является индикатором модели потребления; особенности и уровень рыночной конкуренции зависят от таких показателей, как дистанцированность власти, маскулинность / фемининность; прагматизм или долгосрочная / краткосрочная ориентированность влияет на склонность к сбережению. Предпочтение опираться на собственные силы (индивидуализм) можно связать со сформировавшимся в обществе отношением к перераспределению благ. Высокий уровень индивидуализма в протестантских странах (74), католических

странах Европы (61) и Израиле (54) коррелирует с негативным отношением представителей этих вероисповеданий к перераспределению благ, по сравнению с отношением последователей других религий. Соответствующие предпочтения находят отражение в государственной политике перераспределения благ в странах разных культурных традиций [Guiso L. et al., 2006, p. 41, 43].

Процесс взаимодействия религиозной составляющей культуры и экономического развития приводит к равновесию социально-экономической среды, которое воплощается в социально-экономической модели и политическом устройстве общества. Подобной точки зрения придерживается, например, Г. Григориадис (см. табл. 2) [Grigoriadis T., 2013, p. 30].

Таблица 2

	Экономическая система	Эволюция политического режима
Протестантизм	Либеральная / Социальная демократия	Ограниченное лидерство → Представительная демократия
Иудаизм	Регулируемый капитализм	Лишенный государственности космополитизм → Фрагментированная демократия
Католицизм	Государственный корпоратизм / Клиентелизм	Неограниченная монархия → Лоббистская демократия или фашизм
Православие	Византийская олигархия	Бюрократический империализм → Клановая демократия или коммунизм, или авторитаризм
Ислам	Предпринимательская аристократия	Нормативный империализм → Исламский плюрализм или теократия, или авторитаризм

Либеральная / социальная демократия (США, Великобритания, Швеция, Дания, Норвегия, Финляндия, послевоенная Германия, Нидерланды) представляет собой протестантскую рыночную экономику, в которой институт регулярных выборов, широкие гражданские права и развитый частный сектор экономики дополнены предоставляемым государством социальным обеспечением.

Израильская модель регулируемого капитализма характеризуется менее интенсивным вмешательством государства в экономику по сравнению с практиками стран Западной Европы.

В основе государственного корпоратизма / клиентелизма находится институт конкурентных выборов и защита минимального набора гражданских прав (Бразилия, Испания, Италия, Франция, Бельгия, Австрия). Распространенная в данных странах система социального обеспечения во многом отражает социальные установки католической церкви.

Византийская олигархия (СССР, Россия, Украина, Болгария, Румыния, Сербия, Греция) предполагает наличие значительного государственного сектора в экономике, а также существование номинальных или реальных правил, регулирующих процедуру выборов. Государство регулирует экономику, а частный сектор институционально находится в зависимости от государства. При этом в обществе существует высокий спрос на общественные блага, что отражает сложившиеся в православной традиции организационные нормы, в рамках которых предпочтение отдается принципу иерархичности в ущерб прозрачности.

Экономическая система, названная Григориадисом предпринимательской аристократией (Иран, Турция, Египет, Индонезия, Малайзия), предполагает господство корпоративных элит как в частном, так и в государственном секторах, где ключевые руководители назначаются или напрямую, или с использованием иных процедур, но непосредственно государством [Grigoriadis T., 2013, p. 32].

В своих исследованиях Г. Григориадис и Б. Торглер рассматривают влияние религиозных норм и религиозной идентичности на формирование спроса на общественные блага и особенности их распределения. Так в странах протестантской и католической традиции местные органы власти обеспечивают производство общественных благ на основе социального контракта с гражданами. В странах же исламской и православной традиций обеспечение общественными благами воспринимается обществом как гарантия коллективного благосостояния и социальной справедливости, а административная эффективность определяется не способностью властей следовать данным обещаниям, а демонстрацией приверженности обязательствам бороться с бедностью и неравенством [Grigoriadis T., Torgler B., 2013, p. 30]. Так называемые коллективистские экономические системы, которые характеризуются высоким спросом граждан на общественные блага, присущи странам, где большинство населения являются приверженцами «коллективных» религиозных традиций – католицизма, православия и ислама.

Влияние религии на общественное устройство можно проследить во взаимосвязи религиозных норм и светских правовых актов, распространении религиозных ценностей и практик на бюрократические институты общества, а также в восприятии религиозных общин в качестве прототипа экономической системы, в соответствии с которым формируются экономическая среда и экономическая политика.

Анализируя религиозные общины как прототипы экономических систем, Г. Григориadis обращается к опыту православия и иудаизма. Принципы экономической жизни еврейских поселенцев в Палестине до создания государства Израиль – физический труд и стремление к самообеспечению в сочетании с безразличием к материальной выгоде, социально-экономическому статусу и политической власти – позже стали основополагающими для израильского общества, сделали возможным возникновение киббуцев и мошавов, а также определили особенности структуры общественных институтов Израиля.

Киббуц как модель организации предполагает добровольное членство (отсутствие частной собственности в киббуцах «компенсируется» правом выхода из него) и демократическую природу коллективных процедур, осуществляемых общим собранием всех взрослых членов киббуца. Важными характеристиками модели киббуца также является мониторинг и контроль на всех уровнях структуры, взаимодополняемость индивидуальных и коллективных интересов, эффективность каналов распространения информации, наличие обратной связи внутри коллектива, отсутствие какого-либо универсального централизованного набора правил распределения ресурсов внутри киббуцев. Этой модели присущ баланс между уравнительной системой перераспределения ресурсов и добровольным участием в коллективе. Несмотря на то, что члены общины с большей производительностью труда имеют меньше стимулов оставаться в ней, чем те, чья производительность ниже, в условиях равного потребления богатые киббуцы остаются привлекательными и для более производительных членов. В киббуцах им обеспечен оптимальный уровень экономической безопасности, в результате издержки выхода оказываются достаточно высокими. В некоторых киббуцах также существуют эффективные схемы поощрений наиболее продуктивных членов.

В киббуце главный стимул к труду традиционно связан с отношением к труду как к процессу самореализации. Такая трудовая этика мотивирует работников вносить вклад в благосостояние общины. Ответственное отношение к труду в общине объясняет устойчивость такой формы организации экономической и социальной жизни при отсутствии прав собственности и дифференциации материального вознаграждения. При этом исследователи полагают, что именно идеологические установки трудовой этики, а не следование принципам альтруизма, обеспечивают действенную взаимопомощь среди членов киббуца и его организационную целостность.

Прозрачная процедура голосования и необходимость поддержки 2/3 членов общины при принятии в нее новых членов демонстрируют пример сочетания принципов демократии и коллективизма. Это позволяет рассматривать кибуц как демократический религиозный коллектив и институциональный прототип общества, в основе которого лежат как взаимная поддержка, так и рыночные стимулы. Баланс интересов коммуны и частных интересов ее членов устанавливает верхний предел личных доходов и личной инициативы. Одновременно добровольность участия в кибуце устанавливает нижний предел управленческого контроля и корректирует дефекты иерархичной структуры.

По мнению Т. Григориадиса, кибуц предлагает институциональные и экономические основы, которые и сформировали модель социально-экономической системы государства Израиль. Она одновременно сочетает в себе черты коллективизма и индивидуализма, общинности и рыночных стимулов, государства всеобщего благосостояния и либеральной рыночной экономики, с четкой нацеленностью на политическое представительство интересов и защиту прав граждан всех слоев общества [Grigoriadis T., 2013, p. 10].

Анализируя социально-экономическое устройство русского православного монастыря как примера религиозной общины, Г. Григориадис указывает на тот факт, что в отличие от кибуца, представляющего собой институт коллективной демократии, русский православный монастырь представляет собой пример диктатуры как способа управления коллективом, так как не предусматривает возможности выхода из общины и закрепляет за наместником абсолютную власть в распределении ресурсов общины и установлении размера вклада каждого ее члена.

В процессе развития монастырей, роста их интеллектуального и политического влияния церковные принципы монастырского устройства были инкорпорированы в государственные структуры Византийского государства. Сущностные основы коллективных форм восточного православия получили свое оформление в конце XI – начале XII в. Они предполагали духовное развитие христиан внутри монастырской общины, при этом допуская возможность появления в ней харизматических личностей, которые могли бы стать ролевой моделью и для мирян. Организации жизни духовных лиц в Византии была свойственна иерархичность и харизматичное лидерство, а также практика духовного подвижничества и независимости от материальных благ.

Император Византии нес ответственность за благосостояние народа перед церковью, которая устанавливала этические стандарты административного поведения. Церковь осуществляла посредничество между феодальной элитой и государственными чиновниками с одной стороны и средним и низшим классами – с другой. Она доносила интересы народа до элит, пользуясь при этом государственными субсидиями для собственного выживания. В основе договора между императором и церковью (в отсутствие четкого разделения секулярных и духовных регламентаций) лежал обмен: церковь получала права собственности на материальные ресурсы и пыталась максимизировать их, а император – сакрализацию своей власти.

Сходная модель взаимоотношений религиозных и государственных институтов существовала в Киевской Руси и Московском княжестве. Во второй половине XIV в. был основан Троице-Сергиевский монастырь, который вскоре стал духовным центром русского православия. Регулярные паломничества в монастырь Великого князя Василия III и Ивана Грозного, как и предоставление монастырю имущественных и экономических привилегий, свидетельствовали о значимости легитимации власти духовными лидерами нации. Одновременно в монастыре формировалась иерархическая структура: настоятель, келарь, казначей, стряпчий и дяки. В этой структуре настоятель обладает абсолютной властью распоряжаться собственностью монастыря, хотя при этом и он и другие члены общины лишены формальных личных прав собственности. Управленческий контроль на всех уровнях иерархии, семейные и экономические связи с дворянским сословием (в XVI веке 38% монахов были выходцами из класса землевладельцев), получение привилегий и льгот от московской власти, обеспечение монахов минимальными ресурсами для поддержания их существования стали экономической основой жизни православного монастыря [Grigoriadis T., 2013, p. 13].

Впоследствии в результате реформ Петра I и Екатерины II, российская православная церковь стала своего рода административной единицей, находящейся в подчинении главы государства. Она потеряла свое влияние в качестве автономного участника политической жизни России. При этом православие стало составляющей частью социальной и политической идентичности российского общества, а устройство экономики монастыря во многом нашло отражение в социально-экономической модели, утвердившейся в России.

Религия и социальный капитал

Религия тесно связана с социальным капиталом, понятием, введенным в научный дискурс П. Бурдье, определившим его как «агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институционализированные отношения взаимных обязательств или признаний»¹. Иными словами, социальный капитал представляет собой социальные связи, которые могут выступать ресурсом получения выгоды.

При этом религия в большей степени связана с когнитивным социальным капиталом, а не структурным. Когнитивный социальный капитал представляет собой нормы поведения и доверие, которое в свою очередь включает в себя общее доверие и доверие к институтам (полиции, правительству, церкви, средствам массовой информации и т.д.). Структурный капитал – это социальные сети, неформальные (связи между друзьями, родственниками, коллегами, соседями) и формальные (ассоциации и добровольные организации: профессиональные, религиозные, культурные и т.д.).

Рассматривая влияние религии на социальный капитал, важно подчеркнуть, что часто такие понятия, как религиозность, вера и духовность ассоциируются с такими понятиями, как солидарность, честность, щедрость, альтруизм, гуманность, благотворительность и т.д. Подчеркивая позитивное воздействие религиозности на социальный капитал, ряд исследователей утверждают, что люди, активно участвующие в жизни церковных общин, развивают отношения доверия, получают навыки гражданской активности, расширяют свои коммуникации благодаря возникающим в процессе развития общин социальным сетям².

Вместе с тем религиозная активность может сокращать время, которое могло бы быть использовано для другой деятельности, например, участия в волонтерских кампаниях вне церкви. Отрицательное воздействие религиозности на социальный капитал может возникать по причине того, что вовлеченность в одну из религиоз-

¹ Цит. по: Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии: Учебное пособие / Под ред. Г.С. Батыгина. – М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. – 248 с. – С. 34. – Режим доступа: <http://socioline.ru/pages/gradoselskaya-g-v-setevye-izmereniya-v-sotsiologii>

² Halman L., Luijkx R. Social capital in contemporary Europe: Evidence from the European // Portuguese j. of social science. – 2006. – Vol. 5, N 1. – P. 65–90. – Mode of access: <http://pure.uvt.nl/portal/files/761307/socialcapital.pdf>

ных групп может способствовать снижению толерантности по отношению к тем, кто не разделяет ценностей и убеждений этой группы. Кроме того, наличие в обществе нескольких конфессий может снижать общий уровень доверия, так как люди меньше доверяют тем, кто не принадлежит их вероисповеданию. Отношения, формирующиеся под влиянием доминирующей религии, распространяются во всем обществе, могут оказывать давление и навязывать соответствующие нормы поведения представителям других конфессий и нерелигиозным членам общества.

Разные религии могут формировать разные установки в социальных отношениях. Так, в католицизме больший акцент делается на тесную связь между церковью и семьей, развиваются вертикальные связи, а горизонтальным не придается особого значения. Протестантизм, наоборот, благоприятствует росту социальных связей вне церкви и семьи. Такого рода подход часто используется и для деления мировых религий на иерархичные (католицизм, православие, ислам) и неиерархичные (протестантизм, индуизм, буддизм). В целом многочисленные исследования отношений доверия подтверждают позитивное влияние на социальный капитал протестантизма и негативное – католицизма [Kaasa A., 2013, p. 581].

Проведя анализ данных Европейского исследования ценностей (European values study 2008), касающихся веры, участия в церковных службах и жизни общин, численности населения, принадлежащего той или иной конфессии, А. Кааса нашла подтверждение тому, что неформальная религиозность (вера и посещение службы) способствует развитию социального капитала, так как стимулирует участие в различных организациях и, таким образом, помогает освоению гражданских навыков, продвигая в обществе такие ценности, как солидарность, альтруизм, честность. Исследование также выявило, что приверженцы иерархических религий менее склонны принимать участие в социальной жизни и часто предпочитают перекладывать ответственность во всех сферах жизни общества на государство. Также было подтверждено негативное влияние иерархических религий на развитие когнитивного социального капитала. Наивысший уровень развития всех аспектов социального капитала был выявлен в протестантских странах, а самый низкий – в странах с иерархическими религиями [Kaasa A., 2013, p. 590].

Религиозность и предпринимательство

Религиозные ценности оказывают влияние на восприятие индивидом и обществом предпринимательской деятельности. В разных религиозных традициях предпринимательство оценивается по-разному, формируются разные паттерны деловой активности. Один из первых портретов «идеального» предпринимателя мы находим в Ветхом Завете, а именно в Притчах царя Соломона, где воспевается добродетельная женщина: она трудолюбива («Добывает шерсть и лен, и с охотой работает своими руками» (31:13)); ей присущи предпринимательские качества («Задумает она о поле, и приобретает его; от плодов рук своих насаждает виноградник» (31:16)); она честна («Она чувствует, что занятие ее хорошо, и – светильник ее не гаснет и ночью» (31:18)); она занимается благотворительностью («Длань свою она открывает бедному, и руку свою подает нуждающемуся» (31:20)); она религиозна («...жена, боящаяся Господа, достойна хвалы» (31:30)). Перед нами предстает «образ предпринимателя», в котором стремление к материальным благам гармонично сочетается с духовными ценностями. Этот образ поддерживается Библией и во многом представляет собой ценностное наполнение предпринимательской деятельности в авраамических религиях [Friedman H., Adler W.D., 2011].

Отношение к предпринимательству представляет собой один из каналов, посредством которого религия, будучи важной составляющей культуры, может оказывать влияние на результаты экономической деятельности. Это влияние представляется комплексным и непрямым, находящимся в зависимости от уникальных личностных характеристик индивида, его этнической принадлежности, особенностей социальных сетей, образования, политического режима и т.д. Культурная традиция влияет на формирование среды, в которой ведется бизнес, на разнообразные аспекты экономического поведения, включая принятие решения о том, стать ли самозанятым или наемным работником. Предприниматель вынужден вести свою деятельность в условиях риска, поэтому сформировавшиеся в условиях культуры, «нерасположенной» к риску (risk-averse), индивиды имеют меньшую склонность к предпринимательству.

С. Дракопулус-Додд и П.Т. Симан¹ выделяют три канала влияния религии на предпринимательство: религиозная принадлежность

¹ Drakopoulou-Dodd S., Seaman P.T. Religion and enterprise: an introductory exploration // Entrepreneurship theory and practice. – Malden, 1998. – Vol. 23, N 1. – P. 71–86.

индивида определяет связь между его убеждениями и предпринимательским поведением; под влиянием господствующих религиозных представлений происходит синтез и формирование системы общественных ценностей и доверия; в результате предпринимательская деятельность во многом становится воплощением религиозных установок.

Позитивное влияние религии на предпринимательскую активность стало частью концепции протестантской трудовой этики, согласно которой протестантская трудовая этика, в отличие, например, от католической, создает благоприятные условия для предпринимательства. Протестантская, в особенности кальвинистская, этика стимулирует трудовую активность, учреждение собственных фирм, участие в торговых операциях, накопление богатства в том числе и в секулярном обществе, в отличие от католицизма, который скорее осуждает накопительство. Среди приверженцев протестантизма традиционно высок уровень образования, что также оказывает положительный эффект на экономический рост и предпринимательскую деятельность. А.П. Макдональд¹ указывает на то, что у протестантов выше, по сравнению с католиками, внутренний локус контроля², что представляет собой важнейшую психологическую характеристику успешного предпринимателя.

Проанализировав связь макроэкономических показателей развития предпринимательства и распространенного вероисповедания, А. Хенли выявил связь высокого уровня предпринимательской активности и новейших форм христианских конфессий, а именно евангелистов, пятидесятников, харизматиков, число последователей которых быстро растет, в особенности (но не только), в менее развитых регионах мира. Причастность к этим конфессиям требует от их членов значительно больших, чем в традиционных иерархических христианских конфессиях приверженности религиозным ценностям и благочестия. Это оказывает влияние на все аспекты жизни этих христиан, в том числе способствует эффективности социальных сетей и росту доверия, что, в свою очередь, благоприятно сказывается на развитии предпринимательства [Hanley A., 2014, p. 23].

¹ MacDonald A.P. More on the protestant ethic // J. of consulting and clinical psychology. – Washington, 1972. – Vol. 39, N 1. – P. 116–122.

² Внутренний локус контроля – теоретическое понятие модели личности Дж. Роттера, означающее веру индивида в то, что его поведение детерминировано им самим.

Исследование взаимодействия греческого православия с экономической активностью, в целом, свидетельствует о позитивном эффекте православной традиции на формирование деловых отношений и деятельности, благоприятствующей экономическому развитию¹.

Высокий уровень предпринимательской активности наблюдается у представителей иудейской диаспоры в различных странах. Этот факт исследователи объясняют тем, что среди иудеев традиционно высоки инвестиции в образование. Это исторически связано с тем, что около 70 г. н.э. в иудейской религиозной традиции особую важность приобретает изучение и понимание Торы, и каждый иудей становится ответственным за обучение своих сыновей религиозным законам. Кроме того, развитию предпринимательства благоприятствуют высокий уровень доверия и укорененность сетевых отношений внутри иудейского этнического сообщества, а также позитивное отношение к инновационному мышлению и инновационной деятельности. Склонность иудеев к предпринимательству подтверждают исследования К. Миннса и М. Ризова² занятости в Канаде в начале XX в., согласно которым число самозанятых иудеев превышало аналогичные показатели среди других этнических групп населения (Zelekha Y. et al, 2014, p. 751).

В обществе, в котором господствует буддистская традиция, укоренена концепция правильной жизни (right livelihood), которая тормозит развитие предпринимательства, например, стимулируя индивида избегать использования возможностей, ведущих к созидательному разрушению (creative destruction). Это предположение подтверждается фактическими данными, согласно которым буддизм предстает одним из факторов, подавляющих развитие предпринимательства в Индии³.

Влияние индуизма на предпринимательство оценивается экспертами как позитивное, при этом указывается на сходство индуистской и протестантской трудовой этики. В индуистской культуре

¹ Tassiopoulos D. Greek Christian orthodoxy and entrepreneurship // *Entrepreneurship and religion* / Ed. By Dana L.P. – Cheltenham, Northampton, 2010. – 456 p. – P. 121–134.

² Minns C., Rizov M. The spirit of capitalism? Ethnicity, religion, and self-employment in early 20th century Canada // *Explorations in economic history*. – 2005. – Vol. 42, N 2. – P. 259–281. – Mode of access: http://personal.lse.ac.uk/minns/Minns_Rizov_EEH_2005.pdf

³ Audretsch D.B., Bönte W., Tamvada J.P. Religion and Entrepreneurship: Discussion paper N DP6378 / Centre for economic policy research (CEPR). – L., 2007. – 30 p.

высока роль морали при совершении торговых операций, приветствуется свободная конкуренция, а накопление богатства не является источником вины. Общественное устройство в индуистской культуре способствует эффективному развитию класса предпринимателей, при этом самую высокую доходность от предпринимательской деятельности получают представители низших каст. Г.Д. Винод приходит к выводу, что благодаря практике разделения рисков кастовая система благоприятна для накопления социального капитала, а кроме того она способствует развитию у индивида предпринимательских навыков в рамках традиционной экономической активности внутри той или иной касты¹.

В отношении ислама среди исследователей распространено представление о его негативном влиянии на предпринимательскую активность. При этом следует иметь в виду недостаточное количество эмпирических исследований, опираясь на которые можно было бы однозначно подтвердить или опровергнуть подобное мнение. В исламской культуре велика роль фатализма, что снижает мотивацию индивида, в том числе в сфере предпринимательства, осуществлять какие бы то ни было усилия по развитию и изменению своей деятельности, что, в свою очередь, негативно сказывается на качестве конкурентной среды. Согласно Хантингтону² экономическое развитие и предпринимательскую деятельность тормозят такие черты исламской культуры, как недоверие к научному знанию, высокая степень консерватизма и традиционализма. Исследователи приходят к выводу, что мусульмане обладают относительно низким внутренним локусом контроля, а также менее склонны к риску, чем, например, христиане [Zelekha Y. et al, 2014, p. 752].

Й. Залеха вместе с рядом исследователей провел анализ данных базы глобального мониторинга предпринимательства (global entrepreneurship monitor (GEM)), профессиональной Интернет-сети LinkedIn, а также индекса Института глобального развития предпринимательства (GEDI index), индекса глобальной конкурентоспособности (global competitiveness index) и других показателей, характеризующих развитие предпринимательства в 176 странах. В результате было подтверждено предположение о том, что различные религии имеют разнонаправленное влияние на развитие пред-

¹ Vinod H.D. The Oxford handbook of Hindu economics and business. – Oxford: Oxford university press, 2012. – 398 p.

² Huntington P.S. The clash of civilizations and the remaking of world order. – N.Y., 1996. – 367 p.

принимательства. Анализ показал, что иудеи обладают самой высокой склонностью к предпринимательской деятельности, далее по мере уменьшения склонности к предпринимательству следуют индусы, протестанты, православные, буддисты, католики и мусульмане.

Кроме того, по результатам этого исследования был сделан вывод, что макроэффекты религии как составляющей преобладающей в стране культуры на уровень предпринимательской активности больше, чем то, как та или иная религия влияет на конкретный образ поведения ее последователей. Уровень предпринимательской активности в среднем по стране определяется преобладающей в ней религиозной традицией, а не зависит от относительной численности населения той или иной конфессии. Однако в условиях, когда государство склонно регулировать религиозную деятельность, а также в странах, где низок религиозный плюрализм, механизмы влияния вероисповедания на предпринимательскую деятельность могут подавляться [Hanley A., 2014, p. 23].

Религиозность и экономический рост

В последнее время наблюдается рост интереса к исследованию влияния религиозных факторов на экономический рост. Ключевым исследованием в этой области являются работы Р.М. Макклири и Р.Дж. Барро. Эти авторы исходили из того, что религия влияет на результаты экономической деятельности главным образом посредством распространения и поддержания религиозной веры, а та, в свою очередь, влияет на формирование таких личностных характеристик и особенностей поведения, как честность, трудовая этика, склонность к сбережениям, доверие. Они использовали два показателя религиозности – религиозные верования, а именно веру в загробную жизнь, существование ада и рая, и участие в религиозной жизни, а именно посещение церкви. А также данные международных статистических исследований посещения церквей и данных о верованиях за период 1981–1999 гг. по 41 стране (Barro R.J., McCleary R.M., 2003, p. 772, 779). В качестве зависимой переменной был взят рост ВВП на душу населения. Макклири и Барро смогли выявить положительный эффект религиозной веры (веры в существование ада) как фактора, определяющего поведенческие паттерны, на экономический рост. При этом был выявлено негативное влияние высокого уровня посещения церкви на экономический рост. Этот факт исследователи объясняют тем, что «религиозный сектор» начинает потреблять больше ресурсов, например

времени, затрачиваемого на религиозную деятельность, при фиксированном продукте (религиозной вере), производимым данным сектором (Barro R.J., Mitchell J., 2004, p. 8).

Таким образом, снижение доли населения, принимающего участие в религиозных практиках, способствует экономическому росту. В то же время исследования показывают, что влияние религиозных ценностей остается устойчивым, а секуляризация сознания растет значительно медленнее, чем темп роста показателей ВВП [Hirschle J., 2013, p. 422].

Результаты, полученные Барро и Макклири, подтверждают наличие связи между религиозной верой и экономическим поведением, в том числе и отмеченной М. Вебером в связи с протестантской этикой как ключевым фактором возникновения «духа капитализма». При этом важно отметить, что благодаря разнообразию религий, распространенных в странах, охваченных данным исследованием (страны Африки, Латинской Америки, Азии, Европы), можно утверждать, что на экономический рост и трудовую этику оказывает влияние не только протестантизм.

Вместе с тем стоит отметить, что эмпирические исследования, касающиеся оценки влияния религиозной составляющей культуры на экономический рост, немногочисленны и ограничены из-за недостатка данных о распространении различных религиозных верований и степени религиозности населения той или иной страны или региона. Особенно это характерно для России, где, с одной стороны, религия, вытесненная из культурного контекста и жизни общества на протяжении всего существования советской власти, только в последние два десятилетия восстанавливает свое присутствие в социальной среде, а с другой – сбор данных о религиозной принадлежности ограничен статьей 10 Федерального закона о персональных данных¹.

В этой связи особый интерес вызывает исследование Дж.К. Перрета [Perret J.K., 2014], который на примере России попытался выявить зависимость между распространением того или иного вероисповедания и экономическим ростом. Свое исследование Перрет провел на основе данных «Атласа религий и национальностей России: Арена», составленного исследовательской службой «Среда», а также

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ «О персональных данных». – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2006/07/29/personalnye-dannye-dok.html>

данных Роспатента о количестве выдаваемых патентов, последний показатель использовался как измеритель инновационности.

Согласно «Арене», 41% россиян причисляют себя к Русской православной церкви; почти столько же – 38% – не исповедуют какой-либо веры (13%) или верят в существование некой высшей силы (25%), но не являются членами какой-либо конфессии; третья по величине группа населения России являются мусульманами – 6,5% [Арена, 2012, с. 11]. Во всех регионах преобладает православное население, за исключением Северного Кавказа, Татарстана, Башкирии, где большинство населения исповедует ислам, Тывы, где преобладает буддистское население, а также Республики Алтай и Якутии, где большая часть населения являются последователями язычества.

Перрет исключил из своего исследования значительную долю населения – православных россиян, – руководствуясь аргументами, выдвинутыми Л.Р. Ианнаконе¹, о том, что вера и реальная приверженность религиозным ценностям сильнее выражены у представителей религиозных меньшинств. Кроме того, как показывает ряд исследований, часть россиян, идентифицирующих себя как православных, делали это, руководствуясь не религиозной мотивацией. Так, по данным ВЦИОМ², 6% россиян, называющих себя православными, не являются крещенными. Согласно исследованиям ФОМ³ 16% православных в России никогда не посещают храм, 52% из них никогда не читали Библию, а по данным, собранным Б. Дубиным (Левада-центр), среди россиян, называющих себя православными, в Бога верят лишь 40% [Костылев П.Н., 2014, с. 66]. Из этого следует с высокой долей очевидности, что самоидентификация значительной части россиян как православных отражает не их сознательную приверженность православному вероисповеданию, а, скорее, их желание заявить о своей культурной принадлежности.

В своем анализе Перрет использует в качестве независимых переменных уровень распространения в регионах России того или иного вероисповедания, а в качестве зависимых переменных –

¹ Iannaccone L.R. Introduction to the economics of religion // J. of econ. literature. – 1998. – Vol. 36. – P. 1465–1496.

² Религия в жизни россиян: Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1116. – 10.12.2008. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=11099>

³ Ценности: религиозность. Сколько россиян верят в Бога, посещают храм и молятся своими молитвами? // Фонд общественного мнения. – 14.06.2013. – Режим доступа: <http://fom.ru/obshchestvo/10953>

ВРП (валовый региональный продукт) и ВРП на душу населения, а также такой показатель, как инновационность.

В ходе исследования была выявлена высокая положительная корреляция между распространением среди населения регионов России католического и протестантского вероисповедания и величиной ВРП на душу населения, при этом корреляция ВРП положительна для протестантизма и отрицательна для католицизма. Полученные результаты соответствуют гипотезе о том, что распространение среди населения как католицизма, так и протестантизма способствует экономическому росту, хотя каналы этого влияния разнятся. Считается, что среди католиков, в частности в силу существования института исповеди, выше, чем у протестантов, уровень доверия, и это повышает качество бизнес-среды. При этом протестантизм благоприятствует рыночному поведению и росту благосостояния, благодаря постулату Лютера о том, что ценности веры реализуются через труд, а не только посредством молитвы и веры как таковой [Perret J.K., 2014, p. 9].

Перрет обнаружил положительную корреляцию между уровнем ВРП и преобладанием среди населения регионов России мусульман-шиитов, и отрицательную – при преобладании мусульман-суннитов. При этом выявлена отрицательная зависимость ВРП на душу населения и высокой доли исламского населения, однако для суннитов отрицательная зависимость более значительна. Выявленные закономерности подтверждают тезис о том, что в целом мусульмане менее, по сравнению с христианами, ориентированы на рыночное поведение, менее склонны к риску и открыты для всякого рода изменений, в том числе в экономической области, что, как было указано выше, отрицательно сказывается на развитии предпринимательской активности и экономическом росте. Кроме того, более выраженную негативную корреляцию с экономическим ростом доли мусульман-суннитов можно объяснить ограничениями, которые сунны накладывают на заключение контрактов, вводя понятие «гарар» – элемент неопределенности, случайности, спекулятивный риск, – избыточность которого приводит к аннулированию контракта [Perret J.K., 2014, p. 13].

Преобладание в регионах России буддистского населения отрицательно коррелируется как с уровнем ВРП, так и с уровнем ВРП на душу населения. При этом Перрет подчеркивает, что буддистская традиция приветствует экономическую активность при условии, что она приводит к сокращению страдания, т.е. буддизм одобряет деятельность, в результате которой все ее участники вы-

игрывают (win-win situation), либо не выигрывает никто (zero-win situation). В связи с этим можно сделать вывод, что в целом буддизм благоприятствует экономическому развитию, однако его положительный эффект менее значителен, чем в случае христианской или иудейской традиции. Христианство и иудаизм не препятствуют и такой экономической деятельности, при которой одна сторона выигрывает, а другая проигрывает (win-lose situation), что, без сомнения, расширяет возможности экономической активности во всем ее многообразии и в целом способствует экономическому росту [Perret J.K., 2014, p. 13].

Вместе с тем Перрету удалось выявить положительную связь между распространением иудаизма и ростом ВРП и ВРП на душу населения [Perret J.K., 2014, p. 17–18]. Эти результаты находятся в соответствии с представлениями о том, что иудаизм благоприятствует экономическому развитию, в частности, по причине того, что Тора формирует у иудеев склонность к активному экономическому поведению. В ней говорится о материальных благах как о благословении, а о богатстве как о божественном даре, утверждается, что достойным этого дара человек становится благодаря активной деятельности при соблюдении ряда ограничений.

В соответствии с результатами исследования в России высокая доля атеистов отрицательно коррелируется и с уровнем ВРП, и с уровнем ВРП на душу населения. Выявленную зависимость можно объяснить тем, что у атеистов наблюдается более низкий уровень доверия, чем у приверженцев каких-либо религий. Атеисты из-за недостаточного чувства общности проявляют к другим такой, относительно низкий, уровень доверия, какой верующие люди проявляют к представителям иной религии. Кроме того, этот эффект в российской действительности может усугубляться правовым нигилизмом населения, нивелируя роль института права как одного из факторов роста уровня доверия в обществе.

В ходе исследования Перрету не удалось выявить устойчивой связи между вероисповеданием и инновационностью, за исключением того, что он смог установить незначительную положительную корреляцию между ростом числа патентов и распространением иудаизма и православных церквей, отличных от РПЦ. При этом коэффициент, отражающий взаимозависимость вероисповедания и инновационности, отрицателен и для католиков, и для протестантов, однако для католиков его величина больше [Perret J.K., 2014, p. 19].

Религиозные ценности и религиозное мировоззрение, будучи на протяжении значительного отрезка истории человечества своего рода «субстанцией», соединяющей ткань общества, существенным образом влияют на формирование хозяйственной среды или социально-экономической модели, которая представляет совокупность институтов и механизмов, регулирующих экономическую деятельность и взаимодействие экономических агентов.

Многообразие существующих в России конфессий, наличие регионов компактного проживания населения, исповедующего различные религии, и доминирующего вероисповедания, а также исторический опыт искоренения религии из жизни общества – все эти обстоятельства делают изучение влияния религиозных и культурных факторов на социально-экономическое развитие исключительно сложной задачей. Ее решение предполагает соединение эмпирических и теоретических исследований на стыке таких наук, как экономика, социология, социальная психология. Подобные исследования имеют важное значение как для понимания экономического поведения представителей разных культур и конфессий и, следовательно, для выработки механизмов стимулирования экономического роста, так и для решения задачи плодотворного взаимодействия и сотрудничества представителей разных религиозных традиций.

Список литературы

1. Арена: Атлас религий и национальностей России // Исследовательская служба «Среда». – М., 2012. – 236 с. – Режим доступа: <http://sreda.org/ru/arena/arena-v-pdf>
2. Вебер М. Избранные произведения. – М.: «Прогресс», 1990. – 805 с.
3. Костылев П.Н. К критике базовых понятий социологии религии: «религиозность» // Социология религии в обществе Позднего Модерна: Сб. статей по материалам четвертой Международной научной конференции НИУ Белгородский гос. ун-т / отв. ред. С.Д. Лебедев. – Белгород: ИД «Белгород», 2014. – С. 63–68.
4. Липов В.В. Религиозные ценности как фактор зависимости от предшествующего развития и формирования социально-экономических моделей // Экон. вестник Ростовского гос. ун-та. – Ростов-на-Дону, 2005. – Т. 3, № 3. – С. 57–73.
5. Barro R.J., McCleary R.M. Religion and economic growth across countries // American sociological review. – 2003. – Vol. 68, N 5. – P. 760–781.

6. Barro R.J., Mitchell J. Religious faith and economic growth: What matters most—belief or belonging? // Heritage foundation. – Washington, 2004. – Lecture N 841. – 12 p. – Mode of access: <http://www.heritage.org/research/lecture/religious-faith-and-economic-growth-what-matters-most-belief-or-belonging>
7. Friedman H., Adler W.D. Moral capitalism: a biblical perspective // American j. of economics and sociology. – 2011. – Vol. 70, N 4. – P. 1014–1028. – Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/ajes.2011.70.issue-4/issuetoc>
8. Grigoriadis T. Religious origins of democracies and dictatorships // Discussion paper, School of business & economics: Economics, Free university Berlin. – 2013. – N 2013/16. – 32 p. – Mode of access: <https://www.econstor.eu/dspace/bitstream/10419/85272/1/769721117.pdf>
9. Grigoriadis T., Torgler B. Religious identity, public goods and centralization: Evidence from Russian and Israeli cities // Discussion paper, School of business & economics: Economics, Free university Berlin. – 2013. – N 2013/13. – 40 p. – Mode of access: <http://econstor.eu/bitstream/10419/80442/1/766287858.pdf>
10. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. Does culture affect economic outcomes? // J. of econ. perspectives. – 2006. – Vol. 20, N 2. – P. 23–48. – Mode of access: <http://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/jep.20.2.23>
11. Hanley A. Is religion associated with entrepreneurial activity? // Discussion paper N 8111, Institute for the study of labor (IZA). – Bonn, 2014. – 28 p.
12. Hirschle J. «Secularization of consciousness» or alternative opportunities? The impact of economic growth on religious belief and practice in 13 European countries // J. for the scientific study of religion. – 2013. – Vol. 52, N 2. – P. 410–424. – Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jssr.2013.52.issue-2/issuetoc>
13. Kaasa A. Religion and social capital: evidence from European countries // Internat. rev. of sociology. – 2013. – Vol. 23, N 3. – P. 578–596. – Mode of access: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/03906701.2013.856162?journalCode=cirs20#.U61KdjaGjm4>
14. Perret J.K. Religion, growth and innovation in contemporary Russia: Schumpeter discussion paper / Schumpeter school of business and economics. University of Wuppertal. – 2014. – 26 p. – Mode of access: <http://elpub.bib.uni-wuppertal.de/edocs/dokumente/fbb/wirtschaftswissenschaft/sdp/sdp14/sdp14006.pdf>
15. Semenova A. Would you barter with God? Why holy debts and not profane markets created money? // American j. of economics and sociology. – 2011. – Vol. 70, N 2. – P. 376–400. – Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/ajes.2011.70.issue-2/issuetoc>
16. Zelekha Y., Avnimelech G., Sharabi E. Religious institutions and entrepreneurship // Small business economics. – 2014. – Vol. 42, N 4. – P. 747–767. – Mode of access: <http://link.springer.com/journal/11187/42/4/page/1>